

БЕСТСЕЛЛЕР "THE NEW YORK TIMES"

ОТ АВТОРА «КТО НЕ СПРЯТАЛСЯ» И «ЛИЧНЫЙ МОТИВ»

Анне всегда казалось, что она хорошо знает своих родителей. Но внезапно они покончили жизнь самоубийством. Анна получает записку: в ней некто неизвестный намекает, что на самом деле ее родителей убили. А свидетельница, видевшая прыгающего с обрыва Тома, отказывается от своих показаний. Кто и зачем заставил ее сделать это?

Однажды на пороге дома Анны появляется... ее мать Кэролайн. Она убеждает девушку, что инсценировка самоубийства была необходима для спасения их бизнеса. Кэролайн утверждает, что Анна ничего не знает о том, кем на самом деле был ее отец... Но что скрывает сама Кэролайн? Какая правда спрятана в этой лжи?

Ошеломляющий и запутанный новый психологический триллер от потрясающего автора.

Goodreads

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5101-4

9 786171 251014

КЛЕР МАКИНТОШ

ПОЗВОЛЬ МНЕ СОЛГАТЬ

КЛЕР МАКИНТОШ

ПОЗВОЛЬ
МНЕ
СОЛГАТЬ

CLARE MACKINTOSH

LET
ME LIE

sphere

КЛЕР МАКИНТОШ

ПОЗВОЛЬ
МНЕ СОЛГАТЬ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
М15

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
Mackintosh C. Let Me Lie : A Novel / Clare Mackintosh. —
London : Sphere, 2018. — 416 p.

Перевод с английского *Олеси Малой*

Дизайн обложки *агентства «Тим+»*

ISBN 978-617-12-5101-4
ISBN 978-0-7515-6490-7 (англ.)

© Clare Mackintosh, 2018
© Hemiro Ltd, издание на
русском языке, 2018
© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», пе-
ревод и художественное
оформление, 2018

*Все персонажи и события в этом произведении,
за исключением исторических,
являются вымышленными,
все совпадения с реальными людьми,
живыми или покойными, случайны.*

Робу за все-все-все

Трое способны хранить тайну, если двое из них мертвы.

Бенджамин Франклин

ЧАСТЬ I

Глава 1

Смерть мне не к лицу. Я ношу ее, как чужое пальто, оно соскальзывает с плеч и волочится по грязи. Смерть мне не по размеру. Мне неудобно в ней.

Я хочу стряхнуть ее, швырнуть в шкаф и вернуть мои былые наряды, они сидели на мне как влитые. Я не хотела бросать старую жизнь, но теперь надеюсь на новую — надеюсь, что когда-то и я буду прекрасна и полна сил. А пока что я заперта.

В разрыве между жизнями.

В лимбе¹.

Говорят, неожиданные расставания легче. Меньше боли. Но это не так. Мера боли от долгих прощаний при затянувшейся болезни куда лучше, чем ужас угасшей внезапно-негаданно жизни. Ужас насильственной смерти. В день, когда я умерла, я шла по туго натянутому канату между двумя мирами, шла без страховки, все поддерживавшее меня изорвалось в клочья. С одной стороны пропасти — безопасность, с другой — беда.

Я сделала шаг.

И — умерла.

Помнишь, мы, бывало, шутили о смерти? Тогда мы были так молоды, так полны жизни... Казалось, что смерть — это то, что случается с другими.

¹ Лимб (лат. *limbus* — рубеж, край) — в католицизме место пребывания не попавших в рай душ, не совпадающее с адом или чистилищем. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

— Как думаешь, кто из нас умрет первым? — спросил ты однажды. Уже наступила ночь, вино закончилось, мы грелись у электрической печки на моей съёмной квартире в Бэлхеме, и твоя рука, словно невзначай ласкавшая мое бедро, смягчила те слова.

— Ты конечно, — не раздумывая ответила я.

И ты замахнулся на меня подушкой.

Мы встречались уже месяц, наслаждались телами друга друга и говорили о будущем, словно оно было чужим. Ни клятв, ни обещаний — только поле возможностей.

— Женщины живут дольше, — ухмыльнулась я. — Широко известный факт. Такова генетика — выживает наиболее приспособленный. Вот мужчины и не справляются.

Ты нахмурился. Опустил ладони на мои щеки, заставил меня взглянуть на тебя. Твои глаза казались черными в полумраке, и свет печи отражался в твоих зрачках.

— Так и есть, — сказал наконец. Я потянулась поцеловать тебя, но ты не отпускал. Твой палец на моем подбородке, кожа к коже... — Не знаю, что бы я делал, если бы что-то случилось с тобой.

От печки веяло жаром, но по спине у меня побежал холодок. Словно кто-то прошел по моей могиле.

— Перестань.

— Если ты умрешь, я тоже умру, — не умолкал ты.

Я остановила тебя в твоём юношеском стремлении драматизировать, стряхнула твои руки, высвободила лицо, но затем переплела свои пальцы с твоими, чтобы этот жест не обидел тебя. И поцеловала — вначале нежно, затем со все нарастающей страстью, пока ты не откинулся на спину и я легла на тебя. Волосы мои пеленой скрывали наши лица.

Ты умер бы ради меня.

Тогда наши отношения только начинались, то была искра — она могла погаснуть или разгореться ярким пламенем. Я не знала, не могла знать, что ты разлюбишь меня. Что я разлюблю тебя. Мне были так приятны глубина твоих чувств, исступление во взгляде.

Ты умер бы ради меня, и в тот миг мне казалось, что и я умерла бы ради тебя.

Я просто никогда не думала, что умереть кому-то из нас все-таки придется.

Глава 2

АННА

Элле уже два месяца. Глазки закрыты, длинные темные ресницы почти касаются розовых щечек, подрагивают, пока она ест. Растопыренные пальчики на моей груди — как морская звезда. Я сижу на диване как приклеенная и думаю обо всем, что могла бы сделать, пока кормлю Эллу. Почитать. Посмотреть телевизор. Заказать продукты по интернету.

Не сегодня.

Сегодня не день для таких привычных дел.

Я смотрю на доченьку, и вскоре ее ресницы поднимаются — какой серьезный и какой доверчивый у нее взгляд! Зрачки голубых глаз — озерца бескорыстной любви, мое отражение в них — крошечное, но незыблемое.

Движения Эллы замедляются. Мы смотрим друг на друга, и я думаю, что материнство — величайшая тайна, ведь никакие книги, никакие фильмы или советы не могут приготовить тебя к этому всепоглощающему чувству: для крошечного человечка ты — целый мир. И этот человечек для тебя — целый мир. Я храню эту тайну, ни с кем ею не делюсь, да и с кем бы я поделилась? Меньше десяти лет прошло с тех пор, как мы закончили школу, а все мои подруги тратят время на парней, не на детей.

Элла все еще смотрит на меня, но постепенно ее взгляд подергивается пеленой, словно предутренний туман клубится в ее глазах. Веки опускаются, взметаются вновь, но дремота берет свое. Ее посасывание — всегда такое жадное вначале, затем спокойное, мерное — замедляется, между глотками проходит пара секунд. Затем малышка останавливается. Она спит.

Я поднимаю руку и осторожно нажимаю пальцем на грудь, высвобождая сосок изо рта Эллы, затем надеваю лифчик. Губы

Эллы еще двигаются какое-то время, но потом сон становится все крепче, и ее рот замирает, сложившись в идеально округлую «О».

Надо уложить ее. Воспользоваться временем, пока она спит. Сколько его будет? Десять минут? Час? Мы еще далеки от того, чтобы в нашей жизни установился какой-то распорядок.

«Распорядок». Ключевое слово для любой молодой мамы, единственная тема для разговора на утренних встречах, где мамы младенцев делятся друг с другом опытом. На эти встречи меня заставляет ходить наша патронажная медсестра, и я не очень-то этому рада: *«Она подолгу спит? Знаешь, ты бы попробовала метод контролируемого плача. Джину Форд читала?»*

Я киваю, улыбаюсь, говорю: *«Да, непременно попробую»* — и стараюсь подойти к какой-нибудь другой молодой маме. К кому-то другому, не столь непреклонному. Мне плевать на распорядок. Я не хочу, чтобы Элла разрывалась от плача, пока я сижу за столом и пишу на своей страничке в «Фейсбуке» пост о «кошмаре материнства».

Ужасно плакать оттого, что мама не приходит. Не нужно Элле такое переживать.

Она ворочается во сне, и вечный комок в моем горле словно раздувается. Когда малышка не спит, все видят, что она — моя доченька. Когда друзья говорят, как она похожа на меня или Марка, я этого не замечаю. Я смотрю на Эллу — и вижу Эллу. Но когда она спит... когда она спит, я вижу свою маму. Под пухлыми младенческими щечками проступают знакомые черты нижней части лица в форме сердца, и по линии роста ее волос я понимаю, что в грядущие годы моя дочь будет проводить часы перед зеркалом, пытаясь укротить дерзкую прядку, растущую под другим углом — не так, как все остальные.

Видят ли младенцы сны? Что может сниться им? Они ведь так мало знают о мире. Я завидую спящей Элле, и не только потому, что такой усталости, как сейчас, я не ощущала никогда до того, как родила ребенка. Я завидую ей, ведь когда она спит, ей не снятся кошмары. В своих снах я вижу то, о чем не могу знать. Вижу версии случившегося, описанные в полицейских отчетах и выводах судмедэксперта. Вижу раздутые, обезображенные

водой лица своих родителей. Вижу страх в их чертах, когда они падают со скалы. Слышу их крики.

Иногда бессознательное милостиво ко мне. Не всегда в странстве моих сновидений родители падают, временами они летят. Я вижу, как они делают шаг в бездну, разводят руки и падают над синим морем, а брызги волн ласкают их смеющиеся лица. Тогда я просыпаюсь спокойно, и улыбка играет на моих губах, пока я не открываю глаза и не понимаю, что с тех пор, как я провалилась в сон, ничего не изменилось.

Девятнадцать месяцев назад мой отец взял машину — самую новую и дорогую, — выехал на ней со двора собственного автосалона, за десять минут добрался от Истборна до мыса Бичи-Хед, оставил машину на стоянке, не закрыв дверь, и пошел на край скалы. По пути он собрал камни, чтобы тяжесть утащила его на дно. А затем, когда прилив набрал полную силу, сбросился с обрыва.

Я знаю все эти факты, потому что мне дважды пришлось слушать подробные объяснения судмедэксперта. И в первый, и во второй раз мы сидели с дядей Билли, слушая отчет об обеих неудачных спасательных операциях береговой охраны, и, хотя судмедэксперт был предельно тактичен, от деталей дела становилось только больнее. Я смотрела себе под ноги, пока давали показания специалисты по приливам и статистике выживаемости, пока сообщали данные по уровню смертности. И зажмурилась, когда судмедэксперт зачитал вывод: причина смерти — самоубийство.

Семь месяцев спустя, не справившись с горем, мать последовала за ним, столь точно воспроизведя обстоятельства его смерти, что в местной газете написали о «подражании самоубийству». Смерти моих родителей разделяло семь месяцев, но они были связаны, а потому расследования объединили в одно дело и судебное решение вынесли на одной неделе. За те два дня я многое узнала, но ничего из услышанного не было действительно важным.

Я так и не выяснила, почему они сделали это. Если считать, что они вообще так *поступили*.

Факты казались неоспоримыми. Вот только родители не были склонны к самоубийству. Они не страдали от депрессии, тревоги

и страха. Они были не из тех людей, кто легко отказывается от жизни.

— Проблемы с психикой не всегда очевидны, — говорит Марк, когда я поднимаю эту тему, и в его голосе нет ни намек на раздражение оттого, что разговор ходит по кругу. — Самые сильные, самые жизнерадостные, казалось бы, люди могут страдать от депрессии.

За последний год я научилась держать свои мысли при себе, молчать о сомнениях, кроющихся под покровом моей скорби. Никто, кроме меня, не сомневается. Никому не кажется странным случившееся.

Впрочем, никто и не знал моих родителей настолько хорошо, как я.

Тишину прерывает телефонный звонок. Я жду, пока включится автоответчик, но звонивший не оставляет сообщения, и через мгновение у меня в кармане вибрирует мобильный. Даже не взглянув на экран, я знаю, что это Марк.

— Затаилась у спящей малышки, да?

— Как ты догадался?

— Как она?

— Ест каждые полчаса. Я все пытаюсь приготовить обед, да вот, никак руки не доходят.

— Ничего, я сам приготовлю, когда вернусь. Ты в порядке? — Что-то неуловимо меняется в его голосе, никто другой бы этого не заметил. Но я слышу подтекст в его интонации: *«Ты в порядке, учитывая, какой сегодня день?»*

— Нормально.

— Я могу пойти домой.

— Все в порядке, правда.

Марку определенно не хотелось бы уходить с семинара, не доведя дело до конца. Он коллекционирует сертификаты, как другие люди собирают подставки под бокалы или заграничные монеты. У него уже столько званий, что все эти аббревиатуры не помещаются на визитке — через каждые пару месяцев он заказывает себе новые карточки, и наименее важные звания теряют свое место в конце списка и забываются. Сейчас он посещает

семинар на тему «Роль сочувствия в отношениях психотерапевта и пациента». На самом деле ему этот семинар не нужен, его умение сочувствовать клиенту было очевидным для меня с самых первых минут, когда я перешагнула порог его кабинета.

Марк дал мне выплакаться. Протянул мне упаковку салфеток, сказал не торопиться. Говорить только тогда, когда я буду готова, не раньше. А когда я перестала рыдать, но все еще не могла подобрать подходящие слова, он рассказал мне о стадиях скорби — отрицание, гнев, торг, депрессия и принятие, — и я поняла, что еще не прошла первую стадию.

Через четыре сеанса Марк, вздохнув, сообщил, что больше не может работать со мной, и, когда я спросила, что я сделала не так, он сказал, что возник конфликт интересов и ему очень жаль, ведь это так непрофессионально, но, быть может, я согласилась бы принять его приглашение на ужин?

Он был старше меня — по возрасту ближе к моей маме, чем ко мне, — и казался человеком необычайно решительным, хотя эта решимость и контрастировала с волнением, иногда видимым за его маской спокойствия, как в тот момент.

— С удовольствием, — не раздумывая откликнулась я.

Потом он говорил мне, что скорее чувствовал себя виноватым в том, что прервал наши сеансы, чем в нарушении профессиональной этики, запрещавшей вступать в отношения с пациентами. «Но я уже *не твоя пациентка*», — возразила я тогда.

Марк до сих пор переживает по этому поводу. Я напоминаю ему, что люди знакомятся в разнообразнейших ситуациях. Мои родители встретились в одном лондонском ночном клубе, его родители — в отделе замороженных продуктов в супермаркете «Маркс-энд-Спенсер». А мы с ним познакомились на восьмом этаже здания в Патни, в кабинете с обитыми кожей креслами, и мягкими шерстяными покрывалами, и табличкой на двери: «Марк Хеммингс, психотерапевт. Прием только по записи».

— Как скажешь. Поцелуй за меня Эллу.

— Пока.

Я первой сбрасываю звонок. Знаю, сейчас Марк прижимает к губам телефон, как и всегда, когда он погружается в раздумья.

Ему пришлось выйти в коридор, чтобы позвонить мне, и ради этого он пожертвовал кофе, или общением с коллегами, или чем там занимаются тридцать психотерапевтов, когда их отпускают на перерыв во время семинара. Сейчас он присоединится к остальным, и я не смогу связаться с ним в ближайшие пару часов, пока он будет учиться демонстрировать сочувствие клиенту, даже если речь идет о совершенно надуманной проблеме. Необоснованной тревоге. Пустяшной утрате.

Он хотел бы поработать над моими проблемами. Но я ему не разрешаю. Я перестала ходить к психотерапевту, когда поняла, что никакие разговоры в мире не вернут мне родителей. В какой-то момент все мы доходим до того этапа, когда боль, которую ты ощущаешь, это просто грусть. А от грусти нет лекарства.

Скорбь — сложное явление. Она подступает и отступает, она столь многогранна, что от любых попыток проанализировать это состояние у меня начинает болеть голова. Я могу не плакать несколько дней, а потом задыхаться от рыданий, сотрясающих тело. В какой-то момент я могу посмеяться с дядей Билли над глупостью, когда-то сказанной папой, а уже в следующий меня будет переполнять гнев от эгоистичности его поступка.

Гнев — худшее во всем этом. Раскаленная добела ярость — и вина, неизбежно приходящая следом.

Почему они так поступили?

Я миллион раз прокручивала в голове события дней, предшествовавших папиной смерти, задавалась вопросом, что я могла сделать иначе, чтобы предотвратить это.

«Твой отец пропал».

Помню, я нахмурилась, читая эту эсэмэску и раздумывая, в чем тут шутка. Вообще-то я жила с родителями, но в те дни уехала на конференцию в Оксфорд и как раз болтала за завтраком с коллегой из Лондона. Прервав разговор, я отошла и позвонила маме:

— В каком смысле «пропал»?

Мама говорила сбивчиво, слова давались ей через силу, будто она с трудом припоминала их значение. Вчера вечером они

с папой поссорились. Папа ушел в паб. Пока что ничего необычного. Я давно смирилась с вечными дразгами в отношениях моих родителей, со всеми этими скандалами, угасавшими столь же быстро, как и разгоравшимися. Вот только на этот раз папа не вернулся домой.

— Я думала, он остался ночевать у Билла, — сказала мама, — но, когда я пришла на работу, оказалось, что Билл его не видел. Я тут уже извелась вся, Анна!

Я сразу же уехала с конференции. Не потому, что волновалась за папу. Нет, я волновалась за маму. Они тщательно скрывали от меня причины своих скандалов, но я часто замечала, что они в ссоре. Папа исчезал — уходил на работу, поиграть в гольф или выпить пива в пабе. Мама пряталась дома, притворяясь, что не плакала.

К тому моменту как я приехала домой, все уже закончилось. На кухне у нас сидели полицейские, сжимая в руках фуражки. Маму так трясло, что им пришлось вызвать скорую, чтобы не допустить состояния шока. Дядя Билли застыл, бледный от горя. Лора, мамина крестница, подавала чай, забыв добавить туда молоко. И никто из нас этого не заметил.

Я прочла папину эсэмэску:

«Я больше так не могу. Мир станет лучше без меня».

— Ваш отец взял машину на работе.

Полицейский был папиного возраста, и тогда я, помню, подумала, есть ли у него дети. И воспринимают ли они его присутствие в своей жизни как что-то само собой разумеющееся...

— На вчерашних записях с камер наблюдения видно, как эта машина едет в сторону мыса Бичи-Хед поздно вечером.

Мама сдавленно вскрикнула. Я наблюдала, как Лора обняла ее, пытаясь успокоить, но сама я не могла пошевелиться. Я словно окаменела. Мне не хотелось слышать слова полицейского, но я все равно была вынуждена слушать.

— Около десяти часов утра в полицию поступил звонок. — Констебль Пикетт сверился со своими записями. Наверное, ему

просто легче было смотреть в блокнот, чем на нас. — Женщина сообщила, что видела, как какой-то мужчина собрал в рюкзак камни, положил на краю обрыва бумажник и телефон и спрыгнул с края скалы.

— Почему же она не попыталась *остановить* его? — Я не собиралась кричать, так вышло. Дядя Билли опустил мне руку на плечо, но я лишь отмахнулась от него и повернулась к остальным. — Она просто смотрела, как он прыгает?

— Все произошло очень быстро. Звонившая нам женщина была очень расстроена, как вы понимаете. — Констебль Пикетт осознал, что неудачно выразился, но было уже слишком поздно.

— *Она*, значит, была расстроена? А как, по ее мнению, себя чувствовал папа? — Я оглянулась в поисках поддержки на лицах близких, а затем вновь уставилась на полицейских. — Вы ее допросили?

— Анна... — прошептала Лора.

— Откуда вы знаете, что это не она его толкнула?

— Анна, это ничем не поможет.

Я уже готова была огрызнуться на нее, но тут увидела маму, тихо плакавшую в объятиях Лоры, и желание устроить скандал улетучилось само собой. Мне было больно, но маме — еще больнее. Я прошла по комнате, опустилась перед ней на колени, прижалась щекой к ее руке и почувствовала влагу на лице еще до того, как поняла, что плачу. Мои родители провели вместе двадцать шесть лет. Они жили вместе, работали вместе и, невзирая на периодические взлеты и падения в отношениях, любили друг друга.

Констебль Пикетт кашлянул.

— Описание совпало с данными мистера Джонсона. Мы прибыли на место в течение нескольких минут. Машину обнаружили на парковке Бичи-Хед, а на краю скалы мы нашли вот это. — Он указал на лежащий на столе прозрачный пластиковый пакет для улики.

Я увидела в пакете папин мобильный и коричневый кожаный бумажник. Мне вдруг вспомнилась шуточка дяди Билли о том, что у папы в карманах гнездится моль, и на мгновение мне

показалось, что я рассмеюсь. Но вместо этого разрыдалась — и проплакала три дня.

Правая рука, которой я удерживала Эллу, занемела, и я осторожно высвобождаю ее, шевеля пальцами и чувствуя покалывание, пока кровообращение восстанавливается. Мне вдруг становится беспокойно на душе, и я отстраняюсь от спящей Эллы (моим недавно обретенным навыкам бесшумного перемещения позавидовал бы иной морской пехотинец) и баррикадирую малышку на диване подушками. Встав, я потягиваюсь, разгоняя околоченение от долгого сидения.

Мой отец никогда не страдал от депрессии или тревожных расстройств.

«Но разве он сказал бы тебе, даже если бы чувствовал что-то подобное?» — увещевала меня Лора.

Мы сидели на кухне — Лора, мама и я. Полиция, соседи, все разошлись, оставив нас, онемевших от горя, на кухне с бутылкой вина, горчившего на языке. Лора была права, хотя я и не хотела этого признавать. Папа был из тех мужчин, которые верят, что разговоры о «чувствах» могут превратить их в «баб».

Какими бы ни были причины его поступка, папино самоубийство стало для нас полной неожиданностью и повергло в пучину скорби.

Марк — как и его преемник, к которому я обратилась потом, — советовал мне проработать гнев, вызванный смертью отца. Я же цеплялась за слова судмедэксперта: «не находясь в здравом уме».

«Не в здравом уме».

Эти четыре слова помогли мне разделять человека и его поступок; помогли понять, что папа покончил с собой вовсе не для того, чтобы причинить боль тем, кого он оставил. Напротив, судя по его прощальному сообщению, он искренне верил, что мы будем счастливее в его отсутствие. Но это было совсем не так.

С тем, что случилось потом, мне было смириться куда сложнее, чем с папиным самоубийством. Гораздо тяжелее мне было понять, почему — после испытанной ею самой боли утраты близкого

человека, покончившего с собой, после всех тех месяцев, когда она видела, как я плачу по любимому папочке, — моя мать сознательно заставила меня еще раз пережить весь этот ужас.

Кровь шумит у меня в ушах, жужжит, словно бьющаяся о стекло оса. Я иду на кухню, залпом выпиваю стакан воды, опираюсь ладонями на гранитную столешницу, склоняюсь над мойкой. Я точно слышу маму, слышу, как она что-то напевает во время мытья посуды, слышу, как она пилит папу: *«Хоть бы раз в жизни за собой убрал»*. Вижу, как взматывается над столом облачко муки, когда я вымешиваю тесто в маминой тяжелой глиняной миске, вижу мамины ладони на моих руках — мы вместе лепим пирожки. И потом, когда я вернулась домой жить, — как мы по очереди стоим у плиты на кухне, готовя вместе ужин. Папа сидел в кабинете или смотрел телевизор в гостиной. А мы, женщины, проводили время на кухне — потому что мы сами так решили, а не из-за каких-то там традиций. И болтали, пока готовили.

Именно на кухне я чувствовала наибольшую близость к маме. И именно тут мне сейчас больше всего ее не хватает.

Это случилось ровно год назад.

«Скорбящая вдова принимает решение покончить с собой», — писали в «Лондон гээзет». *«Священник призывает СМИ ограничить распространение информации об обстоятельствах самоубийства»*, — с таким несколько ироничным заголовком вышла статья в «Гардиан».

— Ты знала, — шепчу я, понимая, что человек в здравом уме не станет разговаривать сам с собой, но я просто больше не могу сдерживаться. — Ты знала, какую боль причинишь мне, и все равно так поступила.

Нужно было послушаться Марка и запланировать что-то на сегодня. Как-то развеяться. Я могла бы сходить к Лоре. Или выбраться на обед в ресторан. Пройтись по магазинам. Заняться чем угодно, только бы не бродить по дому, не пережевывать те же мысли, не заикливаться на годовщине маминой смерти. Нет никаких причин тому, что сегодня мне должно быть хуже, чем в какой-либо другой день. Сегодня мама не более мертва, чем вчера, не более мертва, чем будет завтра.

И все же...

Я глубоко вздыхаю и пытаюсь как-то отвлечься. Ставлю стакан в мойку и неодобрительно цокаю языком, будто от выражения моего отношения вслух что-то изменится. Нужно сходить с Эллой в парк. Мы прогуляемся, уьем время, по дороге обратно я куплю что-нибудь на ужин, а там и Марк вернется, и сегодняшней день почти закончится. Такая внезапность решения — знакомая мне уловка, но она работает. Боль в сердце ослабевает, наворачивающиеся на глаза слезы отступают.

«Играй роль, пока роль не станет тобой», — часто говорит Лора. *«Одевайтесь для той работы, которую вы хотите иметь, а не для той, которую имеете»*, — еще одно ее любимое высказывание.

Она применяет этот принцип в своей профессии (нужно тщательно прислушиваться, чтобы понять, что ее аристократический говор — результат упорного обучения, а вовсе не естественная речь), но он распространяется и на другие сферы жизни. Притворись, что у тебя все в порядке, и будешь чувствовать себя в порядке. И вскоре все действительно будет в порядке.

Над последним я все еще работаю.

Я слышу тихое гуление — значит, Элла проснулась. Почти дойдя до конца коридора, замечаю, что что-то торчит в почтовой щели в двери. Письмо либо принесли в частном порядке, либо оно застряло там, когда почтальон разносил почту, — как бы то ни было, сегодня утром, когда я подбирала письма с коврика под щелью, я его не заметила.

Это открытка. Еще две я получила утром — от школьных друзей, которые стараются держаться подальше от таких переживаний, как горе утраты. Тем не менее я была тронута количеством людей, которые помнят подобные даты. На годовщину папиной смерти кто-то оставил у меня на пороге блюдо с запеканкой и короткую записку:

«Съешь холодным или разогретым. Я думаю о тебе».

Я до сих пор не знаю, кто его принес. Многие письма с соболезнованиями, приходившие после смерти родителей, содержали истории о знакомстве при покупке машины. Истории о том,

как мои мама и папа вручали ключи от нового автомобиля самоуверенным подросткам или заботливым родителям. Как меняли двухместные спортивные машины на семейные автомобили. Как советовали, какую машину выбрать в подарок в честь получения новой должности, юбилея, выхода на пенсию. Мои родители сыграли свою роль во множестве чьих-то жизненных историй.

Адрес напечатан на полоске липкой бумаги, размазанный почтовый штемпель в правом верхнем углу напоминает чернильную кляксу. Открытка большая и дорогая, мне приходится доставать ее из конверта.

Я смотрю на изображение.

Яркие цвета танцуют на обложке — на фоне куста кричаще-алых роз с переплетенными стеблями и сочными зелеными листьями соприкасаются два бокала с шампанским.

«Счастливой годовщины!»

Я содрогаюсь, будто меня ударили в живот. Это что, шутка такая? Ошибка? Какой-то благожелательно настроенный, но глупый знакомый, неудачно выбравший открытку? Я заглядываю внутрь.

Сообщение напечатано. Буквы вырезаны из какой-то дешевой газетенки и наклеены на внутреннюю сторону открытки.

Это не ошибка.

Руки у меня трясутся, перед глазами все плывет, жужжание бьющейся о стекло осы кажется громче. Я читаю текст еще раз:

«Самоубийство? Едва ли».

Глава 3

Я не хотела уходить вот так. Всегда думала, что умру иначе.

Представляя себе свою смерть, я видела комнату с задернутыми шторами. Нашу спальню. Под спиной у меня груда подушек, кто-то подносит к моим губам стакан воды, ведь руки у меня слишком ослабели, чтобы самой удержать его. Морфий помогает справляться с болью. Гости заходят ко мне по одному, чтобы попрощаться. Глаза у тебя покрас-

нели, но ты держишься стоически, ты выслушиваешь их добрые слова, а я постепенно проваливаюсь в сон.

И однажды утром просто не просыпаюсь.

Бывало, я шутила, что в следующей жизни хочу родиться псом.

А выяснилось, что никому не дано выбирать.

Берешь то, что дают, подходит тебе это или нет. И оказываешься такой же женщиной, только старше и уродливее. Либо так, либо вообще никак.

Так странно без тебя...

Двадцать шесть лет, мы прожили вместе двадцать шесть лет. И почти все эти годы — в браке. И в горе, и в радости. Ты был тогда во фраке, а я — в подвенечном платье с высокой талией, скрывавшей уже округлившийся на пятом месяце живот. Мы начали новую жизнь вместе.

Теперь же я одна. Мне одиноко. И страшно. Нелегко остаться в тени жизни, которую когда-то проживал напропалую.

Все вышло совсем не так, как я ожидала.

А теперь еще и это.

«Самоубийство? Едва ли».

Подписи нет. Анна не узнает, кто это прислал.

А я знаю. Я провела весь последний год, ожидая, когда же это случится, обманываясь тем, что молчание означает безопасность.

А это не так.

Я вижу надежду на лице Анны, эта открытка сулит ей ответы на вопросы, не дающие ей спать по ночам. Я знаю нашу дочь. Она ни за что бы не поверила, что мы с тобой по собственной воле спрыгнули с того обрыва.

Она права.

И я с болезненной ясностью вижу, что случится дальше. Анна пойдет в полицию. Потребуется возобновления расследования. Она будет бороться за правду, не зная, что правда лишь таит иную ложь. И опасность.

«Самоубийство? Едва ли».

О чем не знаешь, то тебя не тревожит. Мне нужно удержать Анну от похода в полицию. Мне нужно не позволить ей выяснить правду о случившемся, иначе она пострадает.

Я думала, что в тот день, когда поехала на Бичи-Хед, я распрощалась с былой жизнью, но, видимо, ошибалась.

Придется сделать это.

Придется вернуться.

Глава 4

АННА

Я звоню Марку. Оставляю сообщение об открытке, понимаю, что я несу какую-то чушь, останавливаюсь и пытаюсь еще раз все объяснить. «Перезвони мне, как только сможешь», — говорю я в конце сообщения.

«Самоубийство? Едва ли».

Смысл предельно ясен.

Мою мать убили.

По затылку у меня по-прежнему бегают мурашки, и я медленно оглядываюсь, осматривая лестницу, открытые двери с двух сторон коридора, окна от пола до потолка. Никого. Конечно, тут никого нет. Но открытка так расшатала меня, будто кто-то вломился ко мне в дом и всучил мне ее прямо в руки, и уже кажется, будто мы с Эллой тут не одни.

Я прячу открытку обратно в конверт. Нужно убираться отсюда. — Рита! — зову я.

На кухне слышится какой-то шорох, когтистые лапки цокают по паркету. Риту мы взяли из собачьего приюта, в ней есть примесь крови кипрского пуделя, но заметны черты и множества других пород. Рыжая шерстка падает ей на глаза, с мордочки свисают длинные усики, а летом, после стрижки, на спине у нее проступают белоснежные полосы. Она с энтузиазмом лижет мне руку.

— Пойдем гулять.

Рита не из тех, кого приходится долго упрашивать. Она несетя ко входной двери и нетерпеливо оглядывается на меня. Коляска

стоит в коридоре под лестницей, и я прячу анонимную открытку в корзинку поддном, не забыв набросить сверху плед, словно это как-то изменит тот факт, что сообщение все еще там. Затем я беру на руки Эллу — малышка уже начинает капризничать.

«Самоубийство? Едва ли».

Я так и знала. Я всегда это знала. Моя мама была очень сильной женщиной — хотела бы я унаследовать хоть десятую долю ее силы, да и ее решимости я всегда завидовала. Мама никогда не сдавалась. И не отказалась бы от собственной жизни.

Элла тянется к моей груди, но времени на это у нас нет. Я больше ни минуты не хочу оставаться в доме.

— Давай пойдем прогуляемся, свежим воздухом подышим, ладушки?

Я подбираю на кухне пакет для прогулки, проверяю, ничего ли я не забыла — салфетки, подгузники, пеленки, — и запикиваю в сумку вместе с ключами. Обычно к этому моменту Элла пачкает подгузник или срыгивает молоко и приходится ее переодевать. Я внимательно принимаю, но с малышкой все в порядке.

— Ну что, пойдем!

От входной двери вниз на гравиевую дорожку, протянувшуюся от дома к мостовой, с крыльца ведут три каменные ступени — и каждая чуть пообтерлась посередине, где все эти годы по ним спускались и поднимались. В детстве я часто прыгивала на дорожку с верхней ступени. Время шло, я подрастала и в какой-то момент уже допрыгивала с крыльца до асфальтированной парковки перед домом: помню, мама повторяла мне: «Эй, осторожнее!» — а я ловко приземлялась на асфальт и вскидывала руки, словно ожидая аплодисментов.

Прижимая Эллу к груди, я спускаю со ступеней коляску, а затем укладываю малышку, кутая ее в одеяло. В последние дни на улице очень похолодало, иней серебрится на тротуаре, ледяная корка на гравии похрустывает у меня под ногами.

— Анна!

Сосед, Роберт Дрейк, стоит по ту сторону черной ограды, отделяющей наш двор от его участка. Дома у нас одинаковые, трехэтажные, в георгианском стиле, с садом на вытянутом

заднем дворике и узкой кромкой свободного пространства, обрамляющей дом по бокам и впереди. Мои родители переехали в Истборн в 1992 году, когда мое неожиданное появление заставило их отказаться от привычного лондонского досуга и подтолкнуло к жизни в браке. Дом этот купил еще мой ныне уже покойный дедушка, в двух кварталах от места, где прошло папино детство, причем заплатил он наличными («Только так можно заставить людей прислушаться к тебе, Энни!»), и, полагаю, недвижимость обошлась ему куда дешевле, чем Роберту, который приобрел свой дом пятнадцатью годами позже.

— Я как раз о вас вспоминал, — говорит Роберт. — Сегодня тот самый день, да? — Он сочувственно улыбается, склонив голову к плечу.

Этим жестом он напоминает мне Риту, вот только у Риты взгляд доверчивый и добрый, а у Роберта...

— Я имею в виду твою маму, — добавляет он, словно я могла его не понять. В его голосе слышится недовольство, как если бы мне следовало поблагодарить его за сострадание.

Роберт — хирург, и, хотя он всегда относился к нам исключительно доброжелательно, меня часто настораживал его взгляд — пристальный, оценивающий, будто я его пациентка на операционном столе. Он живет один, иногда его проводят племянницы и племянники, но Роберт говорит о них с равнодушием человека, который никогда не имел, да и не собирался заводить детей.

Я завязываю поводок Риты на ручке коляски.

— Да. Сегодня. Спасибо, что вспомнили.

— В годовщину всегда нелегко.

Я больше не могу выслушивать все эти избитые фразы.

— Я, собственно, собиралась прогуляться с Эллой.

Похоже, Роберт и сам не прочь сменить тему. Он заглядывает за забор.

— Как она выросла, да?

Элла так укутана в одеяло, что едва ли он мог это заметить, но я соглашаюсь и зачем-то рассказываю ему о том, с какой скоростью она набирает вес в последнее время, — хотя, наверное, эти подробности все же излишни для него.

— Отлично! Молодчинка. Ну что ж, не буду вас задерживать.

Парковка тянется на всю ширину дома, но машины на ней можно выставить только в один ряд. Железные ворота — ни разу на моей памяти они не закрывались — распахнуты. Я прощаюсь, миную ограждение и выхожу на тротуар, толкая перед собой коляску. Через дорогу раскинулся парк, заросший, с переплетенными ветвями деревьев и табличками на лужайках, заставляющими топтать траву. Мои родители по очереди перед сном выгуливали здесь Риту, и она тянет меня в сторону парка, но я дергаю за поводок и толкаю коляску по улице к центру города. В конце квартала я сворачиваю направо и, оглядываясь на Дубовую усадьбу, замечаю, что Роберт все еще стоит на крыльце. Он отворачивается и скрывается в доме.

Мы следуем по Честнат-авеню, где припорошенные инеем заборчики окаймляют дома с двумя подъездами, лавровые деревья у входов перевиты рождественскими гирляндами, мигают белые огоньки. Пару этих огромных домов на улице перестроили, чтобы в них можно было арендовать отдельные квартиры, но в большинстве своем они так и остались особняками — широкие входные двери не изуродованы рядами звонков и почтовых ящиков. В эркерных окнах виднеются рождественские елки, и за стеклом я мельком замечаю происходящее в комнатах: в первом доме мальчишка-подросток развалился на диване, во втором носятся туда-сюда маленькие дети, с восторгом предвкушая праздник, в шестом пожилая пара сидит рядом, читая газеты.

Дверь восьмого дома открыта, в коридоре, выкрашенном в серый, стоит женщина лет сорока, опустив ладонь на ручку двери. Я киваю ей в знак приветствия. Хотя она и машет рукой, ее улыбка адресована беззлобно препирающейся троице у машины перед домом — ее родные пытаются выгрузить из автомобиля елку.

— Осторожно, уронишь!

— Левее, левее забирай! Дверцу не задень!

Девчушка-подросток заливается смехом, ее нескладеха-брат ухмыляется.

— Придется через забор тащить...

И папа, руководящий всем действием. Подхватывающий елку. Гордящийся своими детьми.

На секунду мне становится так больно, что я едва могу дышать. Я жмурюсь. Мне так не хватает родителей, я ощущаю эту утрату в разное время и при разных обстоятельствах, которые я даже предвидеть не могла. Если бы все было как два года назад, это мы с папой вытаскивали бы рождественскую елку из машины, а мама стояла бы в дверном проеме и подтрунивала над нами. И в доме у нас было бы полно шоколадных конфет, и выпивки, и достаточно еды, чтобы насытить пять тысяч человек. Лора пришла бы с ворохом подарков (даже если в этот период она только приступила к новой работе) или со словами «с меня причитается» и извинениями (если она только что уволилась). Папа с дядей Билли пререкались бы о какой-то ерунде, а потом подбрасывали бы монетку, чтобы уладить спор. А мама, расчувствовавшись, включила бы рождественские песни на плеере.

Марк иногда говорит, что я идеализирую прошлое и нужно отказаться от розовых очков, но едва ли я единственный человек, который предпочитает помнить только хорошее. И, даже если отбросить розовые очки, после смерти родителей моя жизнь изменилась навсегда.

«Самоубийство? Едва ли».

Нет, не самоубийство. Убийство!

Кто-то украл мою жизнь. Кто-то убил маму. А если маму убили, значит, и папа не покончил с собой. Моих родителей убили.

Я судорожно хватаюсь за ручку коляски, словно волна вины вот-вот сойдет меня с ног, вины за все те месяцы, когда я злилась на родителей, думая, что они предпочли самый простой выход, поставили себя выше проблем тех людей, которых они бросали. Может, я зря злилась на них? Может, они бросили меня не по своей воле...

Магазин автомобилей находится на углу Виктория-роуд и Мейн-стрит — залитый светом маяк, отмечающий точку, где заканчи-

вается ряд лавок и парикмахерских и начинаются жилые многоэтажки и частные дома на окраине. Раскачивавшаяся на ветру вывеска, которую я помню по временам детства, давно исчезла, и бог его знает, что подумал бы дедушка об айпадах под мышками у продавцов или огромном плоском экране с рекламой скидок этой недели.

Я пересекаю демонстрационный зал, маневрируя с коляской между глянцево поблескивающим «мерседесом» и потрепанным «вольво». Застекленные двери бесшумно разъезжаются, когда мы подбираемся ближе, из магазина веет заманчивым теплом. Из роскошных динамиков льется рождественская музыка. За столиком, где раньше сидела мама, работает за компьютером хорошенькая девушка с карамельной кожей, мелированными в тон волосами и акриловыми ногтями. Она улыбается мне, и я вижу блеск наклеенного на зуб страза. Едва ли ее стиль мог бы еще сильнее отличаться от маминого. Может быть, именно поэтому дядя Билли и нанял эту девушку, ему не легко день за днем приходиться на работу, где все оставалось по-прежнему, хотя все уже стало иначе. Как у меня дома. Как и в моей жизни.

— Энни!

Дядя Билли всегда называет меня Энни, а не Анна. Он папин брат и, можно сказать, стереотипный «убежденный холостяк». У него есть парочка подруг, но дядя хватается пятничного свидания в ресторане или поездок в лондонский театр. Зато в первую среду месяца он неизменно встречается со своими друзьями поиграть в покер. Иногда я предлагаю дяде Билли привести к нам свою очередную Беверли, или Диану, или Ширли в гости на ужин. Но он всегда отвечает одинаково: «Я так не думаю, Энни, солнышко».

Его свидания никогда не приводят к серьезным отношениям. Ужин так и остается ужином, предложение пропустить по стаканчику не повторяется, и, хотя дядя всегда снимает самый роскошный номер в отеле, когда проводит вечер в Лондоне, осыпая свою новую избранницу подарками, могут пройти месяцы, прежде чем они увидятся вновь.

«Почему ты всегда стараешься держать их всех на расстоянии?» — как-то не удержалась я, выпив лишку нашего фирменного семейного джин-тоника.

Билли подмигнул мне, но ответил серьезно: «Потому что так никто не пострадает».

Я обнимаю дядю и вдыхаю знакомый запах табака, лосьона после бритья и чего-то неразличимого, родного, отчего мне хочется уткнуться носом в его джемпер. Он пахнет как дедушка. И как папа. Как все мужчины из семейства Джонсонов. Теперь остался только Билли.

Я отстраняюсь. И решаю сразу выложить ему все без обиняков.

— Мама и папа не покончили с собой.

На лице дяди Билли отражается безграничное терпение. Мы уже не раз говорили на эту тему.

— Ох, Энни...

Только теперь кое-что изменилось.

— Их убили, — добавляю.

Он молча смотрит на меня, тревожно вглядывается в мое лицо и провожает меня в свой кабинет, подальше от клиентов. Я устраиваюсь в дорогом кожаном кресле, стоящем здесь сколько я себя помню.

«Скупой платит дважды», — вспоминается папина фраза.

Рита плюхается рядом, а я смотрю на свои ноги, вспоминая, как когда-то они едва доходили до края сиденья, а потом постепенно вытянулись до самого пола.

Когда-то и я пробовала поработать здесь.

Мне было пятнадцать, и родители мечтали, чтобы когда-нибудь я присоединилась к семейному делу. Правда, довольно быстро оказалось, что я едва ли смогла бы продать воду в Сахаре. Вот у папы определенно был к этому талант. Как говорится, таковой и лед эскимосам продаст. Бывало, я наблюдала за тем, как он присматривается к клиентам — «дорогие мои потенциальные покупатели», так он их называл. Папа обращал внимание на то, в какой машине клиент приехал, какую одежду носит, и в зависимости от этого подбирал к каждому свой подход, словно у него

ОБ АВТОРЕ

Клер Макинтош двенадцать лет прослужила в полиции, включая время работы в уголовном розыске и патруле. В 2011 году она сменила карьеру, уволившись из правоохранительных органов и начав работать журналисткой и консультантом по вопросам социальных сетей. На сегодняшний день известна еще и как инициатор ежегодного Литературного фестиваля в Чиппинг-Нортон. Проживает в Котсуолдсе с мужем и тремя детьми, все свое время посвящает литературной деятельности.

Первый роман Клер «Личный мотив» стал бестселлером по версии «Санди Таймс» и самым популярным по уровню продаж дебютным детективным романом в 2015 году — по всему миру было куплено более миллиона экземпляров этой книги. В 2016 году он удостоился премии «Тикстон Олд Пекьюлер» как лучший роман в жанре детектива и попал в список наиболее значимых книг 2015 года по версии ток-шоу канала ITV «Свободные женщины». Второй роман Клер, «Кто не спрятался», занял первое место в списке бестселлеров по версии «Санди Таймс». Обеим книгам, «Личный мотив» и «Кто не спрятался», были посвящены отдельные программы ток-шоу «Книжный клуб Ричарда и Джуди». Романы Клер Макинтош опубликованы в более чем шестидесяти странах. «Позволь мне солгать» — третья книга автора.

Клер является меценатом Общества серебряной звезды — оксфордского благотворительного фонда, который финансирует работу отделения Серебряной звезды при больнице Джона Рэдклиффа, где предоставляется медицинская помощь роженицам с осложнениями при беременности.

Для получения более подробной информации вы можете посетить личный сайт Клер www.claremackintosh.com, а также связаться с ней в «Фейсбуке»: www.facebook.com/ClareMackWrites — или «Твиттере»: @ClareMackint0sh #ILetYouGo #ISeeYou #LetMeLie

Літературно-художнє видання

МАКІНТОШ Клер
Дозволь мені збрехати
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *І. О. Назаренко*
Художній редактор *В. О. Трубчанинов*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. С. Калмикова*

Підписано до друку 23.05.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 20,16. Наклад 4500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. Е-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

МАКІНТОШ Клер
Позволь мне солгать
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *И. А. Назаренко*
Художественный редактор *В. А. Трубчанинов*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *О. С. Калмыкова*

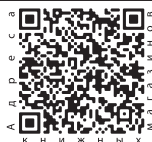
Подписано в печать 23.05.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 20,16. Тираж 4500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. Е-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Ганні завжди здавалося, що вона добре знає своїх батьків. Та зненацька Том і Керолайн вчинили самогубство. Одного разу Анна отримує записку: в ній хтось невідомий натякає, що насправді її батьків убили. А свідок, яка бачила Тома в момент стрибка з обриву, відмовляється від своїх свідчень. Хто і навіщо змусив її зробити це? Одного разу на порозі будинку Анни з'являється... її мати Керолайн. Вона переконує дівчину, що інсценування самогубства було необхідним кроком задля порятунку їхнього бізнесу. Керолайн стверджує, що Анна нічого не знає про те, ким насправді був її батько... Але що приховує сама Керолайн? Яка правда захована в цій брехні?

Макинтош К.

M15 Позволь мне солгать : роман / Клер Макинтош ; пер. с англ. О. Малой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 384 с.

ISBN 978-617-12-5101-4

ISBN 978-0-7515-6490-7 (англ.)

Анне всегда казалось, что она хорошо знает своих родителей. Но внезапно Том и Кэрролайн покончили жизнь самоубийством. Однажды Анна получает записку: в ней некто неизвестный намекает, что на самом деле ее родителей убили. А свидетельница, видевшая прыгающего с обрыва Тома, отказывается от своих показаний. Кто и зачем заставил ее сделать это? Однажды на пороге дома Анны появляется... ее мать Кэрролайн. Она убеждает девушку, что инсценировка самоубийства была необходимым шагом для спасения их бизнеса. Кэрролайн утверждает, что Анна ничего не знает о том, кем на самом деле был ее отец... Но что скрывает сама Кэрролайн? Какая правда спрятана в этой лжи?

УДК 821.111

КЛЕР МАКИНТОШ

КТО
НЕ СПРЯТАЛСЯ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Зоуи случайно обнаруживает в газете свою фотографию, под ней указан адрес какого-то сайта. Она обращается в полицию и с ужасом узнает, что другие женщины, чьи данные размещены на сайте, убиты. Когда Зоуи обнаруживает, что в ее квартире кто-то побывал, она обращается за помощью к лучшей подруге — Мелиссе. Та предлагает спрятаться у нее. Зоуи вместе с дочерью покидают свою квартиру, ставшую небезопасной, даже не подозревая, что попали в ловушку коварного преступника...